а в южнославянской письменности сохранилось даже его „Житие“. Следовательно, и в „Написании“ было вполне уместно обращаться к сыну „великого князя Владимира“. Новгородская летопись называет великим князем и самого Ярослава Владимировича: „князь великий Ярослав, сын Володимирь, внук Мстиславль“.[1] А это совершенно соответствует обращению „Написания“ к великому князю Ярославу Владимировичу. После этого прямого свидетельства наших источников, какую же цену могут иметь рассуждения о малой известности и популярности в Новгороде князя Ярослава Владимировича? Что можно противопоставить титулу „великого князя“, употребленному в применении к Ярославу Владимировичу и в летописи, и в „Написании“, кроме домыслов о возможных ошибках переписчиков?

Здесь не место входить подробно в обстоятельства княжения Ярослава Владимировича, но нельзя не отметить одну его особенность: среди новгородцев существовали ярые сторонники Ярослава.

К каким же кругам они принадлежали? На это отчасти указывает Новгородская летопись. Вторично на княжеский стол Ярослава приглашали „переднии мужи сотьскии“. Они взяли Ярослава „с всею правьдою и честью“. Ярослав сел на новгородский стол, „обуяся с людьми“, т. е. договорившись с людьми, а под словом „люди“ чаще всего понимались городские круги, прежде всего ремесленники. Изгнание Ярослава из Новгорода в 1196 году было настолько заметным фактом, что его отметила и южнорусская летопись.[2]

Деятельность Ярослава оставила довольно прочную память в Новгороде, настолько прочную, что составленный им „Устав“ о мостовой повинности рано стал включаться в сборники новгородских актов. Оставил память Ярослав Владимирович и построением церкви Преображения на Нередице, расписанной замечательными фресками и погибшей во время Великой Отечественной войны от рук фашистских варваров.

Итак, нельзя говорить о Ярославе Владимировиче как о захудалом князе, если не отказаться от прямых указаний источников, заменяя их домыслами об описках переписчиков и пр.

К такому князю с полным правом могли быть обращены слова „Написания“ о князе, которым крепится град наш, т. е. Новгород: „тако и град наш крепится твоею державою“. Новгородский князь „многими людми честен и славен по всем странам“ является, к нему с полным правом можно было обращаться с призывом не держать злато и серебро, а раздавать его „людем“. Обращения Даниила к своему князю о гибели полков от безнарядья также понятны, если мы вспомним, что Ярослав совершил несколько военных походов и был тем „добрым князем“, который водил за собой „добрые полки“. Во всех этих обращениях Даниила нет ничего противоречащего биографии Ярослава Владимировича.

Обращаясь теперь к автору „Написания“ и „Слова“, отметим прежде всего, что имя его обозначено точно: он назван Даниилом Заточеником. Само название произведения: „Написание Даниила Заточеника к своему великому князю Ярославу Владимировичу“, могло принадлежать самому автору. Слово „написание“ употреблялось в древнейших русских памятниках в смысле письменного изложения или письма. Из подборки, сделанной в „Материалах для словаря древне-

---

[1] Новгородская первая летопись. . ., стр. 44.
[2] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 470—471.